

ГДЕ ДЕЛАЕТСЯ РОССИЙСКАЯ НАУКА

Александр АЗБЕЛЬ

Поводом для написания этой заметки послужила статья «Сила академиков. Влияние академической науки на бизнес сильно недооценено» [1], содержащая краткое изложение результатов американских исследователей науки. Статья эта очень интересна, но ее название может ввести российского читателя в заблуждение, поскольку под «академической наукой» там на самом деле подразумевается университетская наука,

а про академиков вообще нет ни слова.

Вообще, по основному множеству публикаций о науке можно сделать вывод о том, что для мас-

академиков, получающих от государства приличное по российским меркам пособие лишь за факт признания со стороны себе подобных, вообще речь не идет. О квалифи-

...в подавляющем большинстве развитых стран вообще нет аналога нашей Академии, а вся фундаментальная наука делается в университетах...

сового российского журналиста и читателя слово «наука» является синонимом «Академии наук». Эта достойная организация основана Петром Великим, имеет своей задачей постижение фундаментальных законов природы и сеяние научного просвещения в широкие народные массы, а возглавляется она мудрыми учеными мужами, неустанно бдящими за моральной чистотой и высочайшей квалификацией своих рядов. Все это является не более чем мифом, имеющим очень слабое отношение к реальности, — достаточно хотя бы напомнить, что подавляющая часть академических НИИ была создана отнюдь не Петром Великим, и тем более не в «демократический» постсоветский период, а в 20-е — 30-е годы прошлого века, причем, как правило, совсем не для культивирования «чистой» науки. Эффективность тогдашней Академии обеспечивалась как предоставлением необходимых ресурсов ценой непомерного напряжения сил всего народа, так и высочайшей степенью ответственности академиков перед государством за вверенные им научные направления и институты. И если про финансирование РАН в настоящее время можно хотя бы услышать победные реляции, то об ответственности

кации значительной части академиков достаточно красноречиво могут сказать их объективные наукометрические показатели, ну а моральный уровень лучше вообще не комментировать — хотя, конечно же, есть среди академиков и очень достойные люди, см., например, выступления нобелевского лауреата В.Л. Гинзбурга [2, 3]. Тем не менее бренд Академии наук еще достаточно силен, и недавние попытки государства навести минимальный порядок в ее сомнительном статусе как общественной по управлению, непонятной по функциям, но государственной по финансированию организации породили отчаянное сопротивление и бурную волну народного гнева на тему «государство убивает нашу науку». Разгневанный народ, естественно, не давал себе труда задумываться, что же он имеет в виду под «наукой» и под «Академией» — академические НИИ с честно трудящимися в них научными пролетариями, самоизбирающийся клуб великих по определению ученых или же государство в государстве — Президиум РАН, управляющий всем этим хозяйством.

Справедливости ради надо сказать, что издания, отличающиеся глубиной анализа освещаемых проблем, периодически напоминают,

что в подавляющем большинстве развитых стран вообще нет аналога нашей Академии, а вся фундаментальная наука делается в университетах. Исключение в каком-то смысле представляет лишь Германия, но и там задумались о существенном укреплении университетской науки [4]. В нашем же государстве традиционно вузовская наука считается третьесортной, и сама Академия, разумеется, немало способствует укреплению этого стереотипа. Говорится, что в вузах нет современного научного оборудования и нет квалифицированных научных кадров. При этом зачастую под «кадрами» иезуитски подразумеваются только штатные научные сотрудники, а если и вспоминают про профессоров и доцентов, то не иначе как изнемогающих под бременем педагогической нагрузки. Все это правда. Но при этом умалчивается, что в вузах есть то, чего нет в Академии, — молодежь, не дающая застояться мозгам и идеям, и, что немаловажно, представляющая собой практически бесплатную рабочую силу. Умалчивается, что сам процесс преподавания способствует более четкому пониманию научных проблем («когда я несколько раз объясню теорию студентам, я сам ее начинаю понимать»), и что практически у любого ученого случаются довольно длительные периоды творческого застоя, когда возможность получать штатную зарплату за преподавание является несомненным благом. Наконец, умалчивается, что сама же Академия в свое время много сделала для перетягивания на себя львиной доли бюджетного финансирования фундаментальных исследований. Что же касается обвинений вузов в конъюнктурности и профанации научного знания, то

учных статей из России приходится на долю РАН, 10% — на долю МГУ, и 10% — на долю всех остальных вузов и научных организаций. Автору данной заметки не удалось найти надежный источник этих широко цитируемых цифр, но обсуждение среди компетентных людей показывает, что эти сведения, мягко говоря, не бесспорны. Проверить их невозможно, поскольку нашим государством до сих пор не оплачен официальный доступ к международным базам данных, индексирующим научную периодику; кроме того, в точном и однозначном указании места работы российских авторов статей, и даже англоязычной транскрипции их фамилий еще очень далеко до полного порядка. В этой связи, кстати, может возникнуть вопрос о правомерности системы оплаты труда научных сотрудников РАН на основе сведений о публикациях, но это уже совсем отдельная история. И вообще, идея измерять продуктивность организации количеством статей неоднозначно воспринимается научным сообществом, хотя сравнение целых стран по разумным параметрам публикационной активности позволяет выявить интересные тенденции — см., например [5].

Гораздо более надежным индикатором научного потенциала является число квалифицированных ученых. В качестве критерия квалификации самым доступным для изучения параметром является получение грантов. Разумеется, при этом возникает вопрос об объективности грантораспределяющей организации, но опыт показывает, что при массовых конкурсах (и, соответственно, не астрономических объемах грантов) процент предвзятых решений чисто технически не может быть высок, и при оценке ра-

Александр Юльевич АЗБЕЛЬ,

кандидат физико-математических наук. Заместитель директора по научной работе Конкурсного центра фундаментального естествознания (Санкт-Петербург). Член Совета по аедеральным и региональным программам при председателе Совета Федерации, член Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах (консультативный орган Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию). Сфера научных интересов: фундаментальная наука, оптика неоднородных сред, Автор 15 научных публикаций. Аналитик проблем воспроизводства научно-педагогических кадров, а также организатор конкурсов грантов, в том числе для молодых ученых.

доля вузовских ученых в общем числе грантов в разные годы составляла от 29,2% до 31,4%, а доля академических ученых — от 55,8% до 57,0% (остальные проценты приходятся на отраслевую науку). Статистика по грантам Президента для научных школ дает примерно такую же картину — от 26% до 31% поддержанных научных школ находятся в вузах, а в РАН — от 57% до 61%. Грубо говоря, в РАН ученых в два раза больше, чем в вузах.

Но эта статистика относится к состоявшимся ученым, уже достигшим известности в науке. А вот для молодых ученых картина по-

...гораздо более надежным индикатором научного потенциала является число квалифицированных ученых. В качестве критерия квалификации самым доступным для изучения параметром является получение грантов...

это тоже чистая правда, но уж не нынешней Академии кого-либо в этом обвинять...

В качестве самого серьезного аргумента в защиту Академии приводят некую статистику по научным публикациям — мол, 80% всех на-

бот экспертам проще всего ориентироваться на четкие объективные критерии, то есть главным образом на те же публикации.

Самая представительная доступная статистика, по грантам РФФИ, показывает, что в 2005-2007 годах

лучается полностью противоположная. По грантам Президента для молодых кандидатов и докторов наук (эти гранты выдаются той же организацией и под руководством того же совета, что и упомянутые выше гранты для научных школ) доля вузов составляет за те же 2005-2007 гг. от 55% до 58%, а доля РАН — от 34% до 36%. По грантам для молодых ученых в рамках ФЦНТП по приоритетным направлениям развития науки и техники, выдаваемых в 2005 и 2006 годах, доля вузов варьируется от 58% до 61%, а доля РАН — от 28% до 29% (кстати, очень показательно, что доля отраслевой науки в этих конкурсах ФЦНТП составляла лишь 11-12%, но это предмет отдельного обсуждения). В целом можно констатировать, что молодых ученых в вузах примерно вдвое больше, чем в РАН.

Таким образом, слухи о несостоятельности вузовской науки оказываются сильно преувеличенными. Более того, приведенные цифры говорят о том, что научный потенциал высшей школы хоть и слабее академического, но имеет значительно большую перспективность. Какие из этого можно сделать выводы?

Вывод первый, о необходимости интеграции образования и науки, был сделан в современную эпоху уже более десяти лет назад. Подробно история этой интеграции описана в обзоре «Правовое обеспечение интеграции науки и образования», размещенном на сайте Национального информационно-

...таким образом, слухи о несостоятельности вузовской науки оказываются сильно преувеличенными. Более того, приведенные цифры говорят о том, что научный потенциал высшей школы хоть и слабее академического, но имеет значительно большую перспективность...

го центра по науке и инновациям 26 апреля 2006 г. В двух словах, история эта довольно печальная. И хотя совсем недавно был принят закон об интеграции образования и науки, он совершенно не оправдал возлагавшихся на него надежд [6, 7]. В частности, так и не решена одна из основных проблем — разделение бюджетного финансирования по видам и главам расходов, а последняя редакция Бюджетного кодекса в очередной раз укрепила барьеры на пути интеграции [8].

Вывод второй, о целесообразности и необходимости развития научного потенциала высшей школы, был сделан еще раньше, в 1991 году, когда были запущены конкурсы грантов для вузовских ученых. Конкурсы эти успешно развивались, включив и довольно весомую персональную поддержку научной молодежи, но пали жертвой административной реформы в 2004 году. Больше ничего конкретного для развития вузовской науки так и не было сделано, хотя слов на эту тему было сказано очень много. «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» от 2002 г., «Аналитическая за-

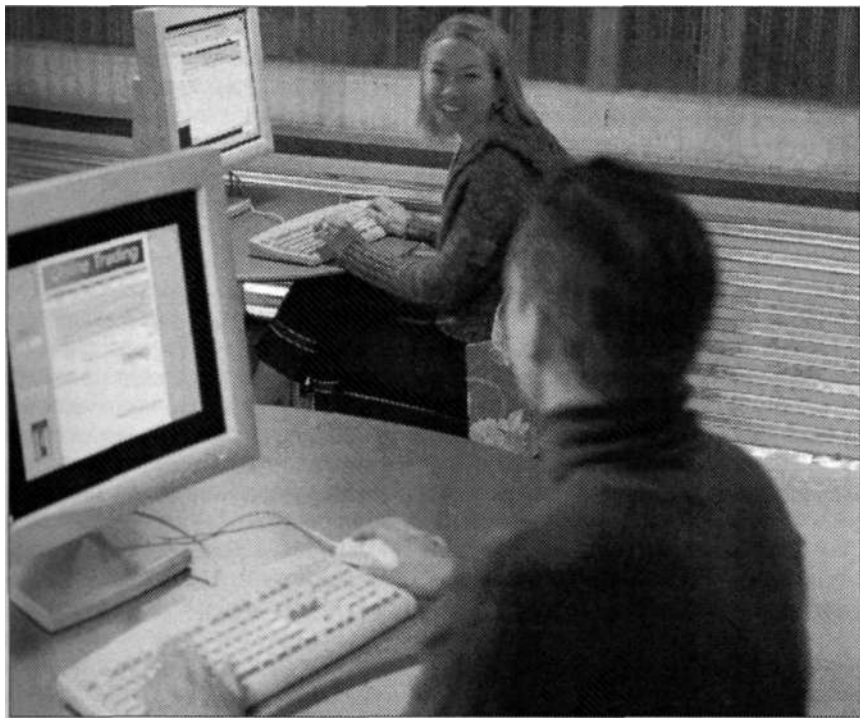
писка и проект концепции комиссии по вопросам социальной политики в науке Совета при Президенте Российской Федерации по науке и высоким технологиям» от 2004 г., «Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 годы» от 2005 г., «Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года» от 2006 г., доклад Общественной палаты Российской Федерации «Готова ли Россия инвестировать в свое будущее?» от 2007 г. — вот далеко не полный перечень официальных документов, так или иначе затрагивающих тему науки в вузах, подготовки и сохранения преемственности научных кадров. Однако сухой остаток от всех этих документов пока равен нулю. Вместо здоровой идеи «исследовательских университетов» появились «национальные» и «федеральные» университеты, разницу между которыми не представляет себе даже сам министр образования и науки [9] и так называемые «инновационные университеты», конкретный смысл «инновационности» которых не известен вообще никому. Федеральная целевая программа по научным кадрам, о необходимости которой говорилось еще в 2002 году на уровне Президента, только в 2008 году смогла пройти согласование в Минфине и МЭРТ и так далее.

Вузам остается только позавидовать Академии в том, что ее руководство хоть и проводит авторитарную внутреннюю политику, умеет при необходимости жестко и эффективно отстаивать интересы ведомства в целом. Программа фундаментальных исследований РАН принята, и более того, финансирование РАН в скором времени будет осуществляться в виде субсидий [10], о чем могут только мечтать вузы, у которых на борьбу с казначейством и законом о госзакупках уходит, наверное, больше сил, чем на содержательную работу. Впрочем, очень может быть, что

вузы раньше Академии поняли — на наше государство нельзя полагаться в борьбе за свое выживание. Судя по темпу оттока молодых квалифицированных кадров за рубеж, это же понимание вузы успешно воспитали в своих выпускниках. И дай Бог им успехов.

Так что, похоже, дело идет к тому, что вскоре на вопрос «Где делается российская наука?» единственно правильным ответом будет «За рубежом». Впрочем, это гораздо лучше, чем ответ «нигде», за что надо поблагодарить в первую очередь все-таки именно вузы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов М. Сила академиков. Влияние академической науки на бизнес сильно недооценено // Аналитический деловой еженедельник SmartMoney. 2008. 3 марта № 7 (97).
2. Гинзбург В.Л. Академикам — не платить // Российская газета. Федеральный выпуск. 2007. 16 января. № 4269.
3. Гинзбург В.Л. Замечания в связи с подготовкой нового устава Российской Академии наук // Вестник Российской Академии наук. 2007. Т. 77. № 3.
4. В Германии растят новых нобелевских лауреатов // РосБизнесКонсалтинг. 2007. 25 ноября.
5. Стерлигов И. Россия в зеркале мировой научной публикационной активности // Общественно-экономический сервер «Открытая экономика» («Open Ecomoty»). 2008. 14 марта.
6. Муравьева М. Узаконенный союз науки и образования // STRF.ru. 2008. 19 февраля.
7. Гордеева М. Налоговые аспекты интеграции науки и образования // STRF.ru. 2008. 26 февраля.
8. Гордеева М. Новации Бюджетного кодекса и их проекция на госучреждения // STRF.ru. 2008. 11 марта.
9. Интернет-пресс-конференция министра образования и науки Российской Федерации Андрея Александровича Фурсенко «Критерии и отбор инновационных вузов в рамках приоритетного национального проекта «Образование» // сайт РБК. 2006. 5 апреля.
10. Медведев Ю. Академиков оставят на базе // Российская газета. Федеральный выпуск. 2008. 8 февраля № 4584.

Статья впервые опубликована на сайте
Российского союза молодых ученых rosmu.ru 20 марта 2008 г.